

Каждый инцидент так или иначе был связан со старшей невесткой. Что же он такого сделал, чтобы она так поступила с ним? Может быть, из-за того, что у старшего брата до сих пор нет законного сына? Если бы это было так, она должна была бы навредить Цзинхэ, а не Чуньтао.

Цзинхэ! Боль от потери Цзинхэ во сне внезапно охватила его. Он вскочил и направился в Обитель «Верните мне мои книги». Хуаньси, ошеломленный, попытался подняться, чтобы последовать за ним, но, просидев на коленях слишком долго, он упал, пытаясь встать. Ань Шаохуа, услышав шум, обернулся и заметил Хуаньси.

Ань Шаохуа приказал привести Цзинхэ и Сяо Доумяо, а сам вернулся и взял портрет пропавшего.

— Посмотри, кто это!

— А? — Хуаньси удивился. — Господин, это же приёмный отец Цинъюань, его зовут Ван Лянчэнь, он живёт в квартале Канлэ.

Заметив, что дело не так просто, Хуаньси посмотрел на выражение лица Ань Шаохуа и сжал губы.

— Я несколько раз передавал ему вещи, и у меня есть записи.

Хуаньси, выросший рядом с Ань Шаохуа, привык записывать всё, что выходило из дома, даже если это были вещи для приёмного отца Цинъюань. Раньше это было просто привычкой, но теперь эти записи оказались полезными. Хуаньси решил выложить всё.

— Господин, перед Новым годом, когда мы готовили праздничные запасы, старшая невестка спросила, в какой лавке мы обычно покупаем сушеные продукты. Потом она спросила, сколько мне лет. Я ответил, и она сказала, что Цинъюань старше меня всего на несколько лет.

Здесь Хуаньси, кажется, что-то понял, и слёзы наполнили его глаза.

— С тех пор Цинъюань часто встречалась со мной втайне, всегда оставляла мне что-нибудь вкусное и просила Фунаня передать это Фугую. Она даже сшила мне пару туфель.

Хуаньси не смог сдержаться, и слёзы упали на пол перед ним.

— Я обычно не носил их, берёг.

Он встал и показал туфли Ань Шаохуа.

Ань Шаохуа смотрел на Хуаньси. Тот был с ним с пяти или шести лет, и, хотя формально они были господином и слугой, в душе Ань Шаохуа был ближе к Хуаньси, чем к Фугую. Видя его слёзы, он не мог оставаться равнодушным. Гнев от того, что его обманули, был невыносим. Он злился на Хуаньси за то, что тот позволил себя использовать, и на старшую невестку за то, что она слишком далеко зашла.

— Что ты передавал по её просьбе?

— Ну... дважды передавал банкноты. Оба раза из банка Гуанли. В тот день, когда вы были в Павильоне Благоуханной Славы, я передал ему слиток золота.

— Золото? Какое золото?

— Господин, это был десятиляновый слиток, отчеканенный управлением Цзинчжао в тридцать пятом году Кайлуна. Когда она дала его мне, это был просто слиток, без упаковки, даже без отпечатков пальцев. Я, чтобы не привлекать внимания, завернул его в ткань.

— Десять лян... — пробормотал Ань Шаохуа, начав искать записи о золоте, отчеканенном управлением Цзинчжао в тридцать пятом году Кайлуна.

Найдя нужную книгу, он увидел, что в прошлом году, перед зимним жертвоприношением, было отчеканено 2 000 лянов золота. По записям, 1 500 лянов были отправлены в казну, а оставшиеся 500 — награждены новым военным элитам. Кроме старшего брата, только один человек в столице получил награду. Но ведь это золото было императорским подарком, кто осмелился бы его трогать?

Не говоря уже о том, откуда взялись эти десять лянов, кто же был этот пропавший? Ван Лянчэнь... Ван Лянчэнь... Его нужно было обязательно проверить. Почему он ночью пошёл в переулок за винным магазином, чтобы выбросить флакон с ядом змеи? Приёмный отец Цинъюань...

Цинъюань? Опять служанка старшей невестки! У старшей невестки было четыре служанки, одна из них, кажется, умерла, звали её Цуй или Люй. Остались три: Даньша, Цинъюань и Цзыпин.

Цзыпин? Это имя звучит знакомо. Цзыпин!

Тот Ван Лянчэнь, который отправил Цзыпин передать письмо Хун Цинъюнь из труппы «Красная актриса». Ван Лянчэнь, Цзыпин, старшая невестка, труппа «Красная актриса»... Слишком много запутанных нитей, и пока невозможно разобраться.

Подождите, в деле о пяти трупах, четверо злодеев умерли от яда змеи, а затем им перерезали горло. Служанку убили ударом по затылку, смерть наступила мгновенно. На месте преступления должен был быть шестой человек. Яд змеи...

И дело десятилетней давности, смерть Линь Чжицюя и его семьи. Слухи о причинах, конечно, ложные, но ведь убийство должно было иметь какую-то причину...

Мать говорила, что смерть госпожи Чжэн очень похожа на смерть наложницы наследника маркиза Цзинъяна. Может быть, дело в ребёнке?

Ребёнке? Жена Линь Чжицюя, возможно, носила законного наследника Линь, но ребёнок наложницы наследника маркиза Цзинъяна — это всего лишь незаконнорожденный сын. Хотя, если точнее, незаконнорожденный старший сын. Линь Лан тоже был незаконнорожденным старшим сыном.

Ань Шаохуа резко встал, хлопнул себя по лбу и громко позвал Фугуя. Он дал ему несколько указаний, а затем, чтобы быть уверенным, написал записку и отправил Фугуя с ней.

Ван Лянчэнь... Ван... Лян... Чэнь... Чэнь! Вот оно что!

Если его догадка верна, то это дело, вероятно, потребует вмешательства императора.

Вскоре пришли Цзинхэ и Сяо Доумяо. Ань Шаохуа снял с себя нефритовую подвеску, разобрал её и достал маленькую печать для досуга. Посмотрев на улицу, он передал её Хуаньси и велел ему отнести печать к Шэнь Лину, чтобы тот помог организовать встречу с главой Управления

Палаты наказаний Гао Синьли. Затем нужно было отправиться в резиденцию герцога Аньго или маркиза Фуаня и найти врача, специализирующегося на лечении народа цяньжэнь. Врач должен был приготовить все необходимые лекарства, особенно для подготовки к родам и послеродового ухода. Ему следовало быть готовым к отъезду на следующий день, так как за ним приедет карета из резиденции князя Му.

Сяо Доумяо, услышав это, покраснел и снова хотел поклониться. По его реакции Ань Шаохуа почти поверил в его личность из сна. Он успокоил мальчика и велел ему оставаться в доме. Подумав, он всё же спросил:

— Ты не против пожить с Цзинхэ во дворе маркиза какое-то время?

Сяо Доумяо, умный не по годам, на мгновение задумался, а затем улыбнулся.

— Разве кто-то осмелится навредить молодому господину под вашим наблюдением?

Ань Шаохуа не стал скрывать:

— Мне нужно встретиться с Гу Мо и другими. У меня есть подозрение, что сегодняшние события в доме — это чья-то попытка задержать меня, поэтому я должен действовать быстро. Там... возможно, будет опасно.

Ань Шаохуа не сказал, что во сне, в день празднования дня рождения императора, почти половина пограничных генералов прибыли в столицу по приказу. Второй принц, как говорили, вернулся в столицу в начале второго месяца, но появился на публике только в июне. В доме никого не было, и даже во дворце не удалось добиться аудиенции. Что касается Гу Фэна, человека, который обычно был неразлучен со вторым принцем, он исчез на полгода. Шэнь Лин лично спрашивал второго принца, но ответа не получил. Казалось, он даже тайно расследовал это, но безрезультатно. Теперь, оглядываясь назад, события во сне казались всё более странными.

Думая об этом, Ань Шаохуа усмехнулся себе — он словно околдован.

Незаметно он дошёл до дверей Зала Чжунъюн. Сегодня у входа стояли двое из двенадцати стражей отца — Цуй Тешэн и Ци Эрню. Цуй Тешэн, увидев его, пошёл доложить. Ань Шаохуа не мог просто стоять, поэтому завёл разговор с Ци Эрню. Эрню был нищим, которого Ань Юй подобрал в молодости. Он потерял половину уха из-за холода и ненавидел коррумпированных чиновников до глубины души. Он был человеком, который всегда боролся со злом.

Пока они разговаривали, Цуй Тешэн вернулся и сказал:

— Третий молодой господин, маркиз просит вас войти.

Ань Шаохуа поклонился Ци Эрню и уже собирался взять Цзинхэ за руку, как вдруг его внимание привлекла обувь Эрню. Он не удержался и спросил.

Ци Эрню засмеялся, неловко почесывая голову рукой, похожей на веер.

— Хе-хе-хе...

Цуй Тешэн, смеясь, похлопал Эрню по плечу:

— Не скрою, третий молодой господин, эти туфли сделала Цинъюань из двора старшего

молодого господина.

— Хе-хе-хе...

<http://bllate.org/book/16674/1529501>